

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

КУЛИНАР

ТЕМНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ

ИДЕАЛЬНЫЙ ДРУГ

МИЛАНСКИЙ ЧЕРТ

SMALL WORLD, ИЛИ Я НЕ ЗАБЫЛ

ЛИЛА, ЛИЛА

МАРТИН СУТЕР

ЛИЛА, ЛИЛА

ЭКСМО

МОСКВА

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)
С 90

Martin Suter

LILA, LILA

Copyright © 2004 by Diogenes Verlag AG Zürich
All rights reserved

Перевод с немецкого *Н. Федоровой*

Художественное оформление *С. Власова*

Фотопортрет Мартина Сутера на 4-й сторонке обложки:
Ulrich Baumgarten via Getty Images / Fotobank.ru

Сутер, Мартин.

С 90 *Лила, Лила / Мартин Сутер ; [пер. с нем. Н. Н. Федоровой]. — Москва : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Проза Мартина Сутера).*

ISBN 978-5-699-72598-4

Найдя в ящике старого стола рукопись романа, Давид Керн не смог побороть искушения и присвоил себе авторство. Прежде всего он хотел произвести впечатление на Мари — девушку, которая ему очень нравилась, — и совсем не рассчитывал, что его игра зайдет так далеко: слава, деньги, обожание читателей, бесконечные интервью и автограф-сессии. Никому и в голову не могло прийти, что Давид — всего лишь самозванец, который больше всего боится, что объявит о настоящий автор романа.

С каждым шагом он отдаляет себя от той черты, когда можно было переиграть, во всем признаться и вновь стать самим собой. Он понимает, что расплата неизбежна, и ему остается лишь надеяться на то, что цена его поступка не будет слишком высока.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шва)

© Федорова Н., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-72598-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Посвящается Гретли

1

А Петер Ландвай — это я.

Он несколько раз повернул валик черного «Ундервуда», чтобы последняя фраза оказалась перед глазами, закурил сигарету и перечитал плотно исписанную страницу.

Дождь по-прежнему глухо барабанил по черепице. Он распахнул окно мансарды. Стук капель стал громче и звонче. Двумя метрами ниже подоконника вода из желоба, булькая, стекала в трубу. Мокрая мостовая внизу отражала тусклый свет единственного в тупике фонаря. У дома напротив стоял фургон с надписью «Маурер. Набивочные и шорные работы». За стеклом витрины с такой же надписью горел свет, как всякий вечер с тех пор, как Маурер скончал жену. И, как всякий вечер, в одной из комнат на втором этаже сидел в круге света от торшера какой-то лысый мужчина, читал книгу. Неподвижный,

словно восковая фигура. В остальных окнах было темно, за исключением чердачного окошка возле дымовой трубы. Раньше Петер, бывало, спрашивал себя, кто там живет. Но теперь перестал — не все ли равно? Ему это безразлично, как все, что не связано с Софи. Безразлично так же, как он безразличен ей.

Он закрыл окно, взял с письменного стола рамку с фотографией Софи в купальнике. Руками она растягивала за спиной махровое полотенце, будто собиралась накинуть его на плечи. Волосы влажно поблескивали. Губы улыбались.

Другой фотографии Софи у Петера не было. Только эта, ее подарок. Раньше, глядя на снимок, он чувствовал болезненный укол, потому что Софи не хотела говорить, кто ее сфотографировал. Теперь же сердце сжалось оттого, что он никогда больше не увидит Софи.

Он вынул снимок из рамки, сунул его во внутренний карман грубой мотоциклетной куртки. Потом выключил свет и запер комнату. Ключ остался в двери.

На лестнице пахло жареным луком и воском, которым кто-то недавно натер обшарпанный линолеум на ступеньках.

Полчаса спустя он уже добрался до Ритена. Дождь не утихал. Рев мотора «Дукати»,

ЛИЛА, ЛИЛА

отражаясь от темных домов, зазвучал совсем иначе.

Сразу за городком начиналось прямое как стрела шоссе, которое через километр исчезало в туннеле Ротванд.

Включив максимальную скорость, Петер на полном газу помчался к туннелю, пробитому в крутых скалах, которые стеной наискось перерезали долину. Днем, при хорошей видимости, вход в туннель был заметен издалека, похожий на этакий мышиный лаз. Водители при виде его невольно сбрасывали скорость, словно боялись не попасть в маленькое отверстие.

А ведь не вписаться в устье туннеля Ротванд было невозможно. Даже ночью.

Разве что промахнешься умышленно, как Петер Ландвай.

А Петер Ландвай — это я.

Напечатав внизу номер страницы — 84, он выдернул лист из машинки и присовокупил к остальным. Выровнял стопку, перевернул и положил на письменный стол.

На титульном листе заглавными буквами стояло: *СОФИ, СОФИ.* Строчкой ниже: *Роман.* И имя автора: *Альфред Дустер.*

Он открыл окно мансарды, слушая ровный стук дождя по черепичной крыше и глядя на неподвижного читателя под торшером.

Потом закрыл окно, достал из шкафа грубую мотоциклетную куртку, надел, выключил свет и запер комнату. Ключ остался в двери.

На улице он обошел вокруг своего «Дукати», попинал ногой шины и, смахнув ладонью капли воды, вскочил в седло.

Когда в тупике взревел мотор, неподвижный читатель на миг оторвал глаза от книги.

2

Обычно Давида будил запах обеда, который стряпала в своей квартире соседка, г-жа Хааг.

Но сегодня он проснулся от саднящей боли в мочке уха. Вот незадача! Половина его сверстников сделала себе пирсинг — и хоть бы что, а он всего-навсего вставил крошечную золотую защелочку и тут же заработал воспаление.

На пустом винном ящике, заменившем ночной столик, Давид ощупью отыскал наручные часы. Еще и десяти нет, проспал часов пять, не больше.

Он сел на край кровати. День, видневшийся под коротковатыми занавесками, наполнял комнату блеклым светом, отчегодержанная мебель — стол, стулья, мягкое кресло, стоячая вешалка, книжный стеллаж — выглядела как

трехмерная черно-белая фотография. Единственные цветные пятнышки — красные и зеленые огоньки индикаторов на музыкальном центре, принтере и компьютере.

Надев застиранный махровый халат, голубой, с надписью «Сауна «Везунчик», Давид отпер дверь и вышел из квартиры.

Туалет помещался на лестнице. Не очень-то удобно, особенно сейчас, в холодное время года, — из-за отсутствия отопления. Но Давид хотя бы пользовался им единолично. По неведомой причине в квартире г-жи Хааг был собственный туалет.

В зеркале над умывальником он осмотрел свое ухо. Место вокруг прокола покраснело и опухло. У него руки чесались вытащить сережку. Но ведь тогда, как он слыхал, дырочка зарастет.

Вернувшись в квартиру, Давид засыпал в кофеварку кофе, налил воды и поставил на газ. Потом принял душ в кабинке из алюминия и матового плексигласа, которую кто-то из давних жильцов установил на кухне.

Когда он вышел из душа, предохранительный клапан кофеварки плевался водяными брызгами, окрашивая пламя в желтый цвет. Он выключил газ, вытерся и снова надел халат. Взял из мойки чашку, сполоснул, налил кофе. В холодильнике нашелся початый пакет молока. Понюхав, Давид плеснул немного в чашку, от-

нес ее в комнату, поставил на ночной столик, включил музыку и снова забрался под одеяло. В этом удовольствии — выпить кофе в постели — Давид Керн отказывал себе с большой неохотой.

Радио было настроено на станцию, которая целый день транслировала музыку тропиков. Резкий контраст со здешним климатом: температура около нуля, сплошная низкая облачность, сыпавшая то мелким дождем, то снежной крупой. Дни начинались, когда Давид еще крепко спал, и к тому времени, когда он выходил из дома, большей частью уже успевали закончиться.

Мелкими глотками прихлебывая кофе, он с тревогой размышлял о своем ухе. Может,ходить в то заведение, где ему делали пирсинг? Там наверняка знают, что надо предпринять в случае инфекции.

С лестницы донеслись тяжелые шаги — г-жа Хааг вернулась домой с покупками. Старушка лет семидесяти — хотя насчет возраста Давид мог и ошибаться, — имеет сына, на вид ненамного моложе ее, который изо дня в день ровно в четверть первого приходит обедать, а ровно в четверть второго уходит. Сын был холост и работал где-то поблизости, заведовал складом, как неоднократно говорила Давиду г-жа Хааг.

Давид встал, раздвинул занавески. К его удивлению, клочок неба за окном сиял голубиз-

ной. Не сказать чтобы очень уж яркой, но все-таки, поэтому Давид оделся и уже в начале двенадцатого стоял на Йоханнштрассе, унылой, серой улице, на которой он жил.

День выдался неожиданно погожий. Градусов на десять теплее, чем накануне; солнце блестело в мансардных окнах. Уже через несколько шагов Давиду пришлось расстегнуть молнию стеганой куртки.

Владелец продуктового магазинчика на Кабельштрассе соорудил у своих дверей лоток с рождественскими электрогирляндами. Затея невыгодная, в такую-то погоду. Давид зашел в магазин, купил сэндвич с сыром, развернул, еще не отойдя от прилавка, и начал есть.

Старьевщик, державший лавку во дворе соседнего дома, выставил у подворотни несколько образчиков своего товара и табличку со стрелкой и надписью: «Кладезь Годи». Давид последовал за указателем и зашел в лавку. Годи восседал в мягким кресле с ценником «80 франков!», читал «Бесплатную газету». Они давно знали друг друга, ведь значительную часть своей обстановки Давид приобрел именно у Годи.

— Вчера зима, сегодня весна — никакого здоровья не хватит! — простонал Годи.

Давид поддакнул, хотя в свои двадцать три года с такими проблемами не сталкивался.

Жуя бутерброд, он бродил — вернее, с трудом пробирался — по помещению, битком набитому мебелью, ящиками, бытовыми приборами, книгами, рамами для картин, фарфоровыми безделушками и прочим хламом. Уже несколько раз Давид сумел отыскать тут кое-что интересное для Тобиаса, своего работодателя и хозяина «Эскины».

Бар-салон «Эскина» открылся меньше года назад, но выглядел так, будто существовал всегда. Обставлен он был поддержанной мебелью пятидесятых-шестидесятых годов. На искусственно состаренных стенах висели вещицы, купленные на блошиных рынках по всему миру и создававшие уютную интернациональную атмосферу.

Давид частенько находил у Годи то одно, то другое для «Эскины» и с выгодой для себя продавал Тобиасу. Например, колорированную альпийскую панораму, старенькую ботаническую таблицу с изображением разных видов пальм, неумелый, писанный маслом портрет индейского вождя.

На сей раз он не нашел ничего подходящего. Но когда вышел из лавки, увидел, что Годи вместе с каким-то толстяком разгружает старый фургончик «Фольксваген». Одна из вещиц — ночной столик с закругленными углами и желтой мраморной крышкой — привлекла его внимание.

— Сколько стоит? — поинтересовался он у Годи.

— Я пока не решил.

— Он еще мой. Ар-деко, — вмешался толстяк.

— Ерунда, а не ар-деко, — буркнул Годи.

— Крышка — натуральный мрамор, — гнул свое толстяк.

— Сколько? — спросил Давид. Толстяк вопросительно глянул на Годи.

— Нечего на меня глядеть. Ты владелец, вот и назначай цену, — с этими словами Годи вернулся к фургончику.

— Сорок? — Толстяк был посредником и не умел общаться с конечным потребителем: опыта недоставало.

Давид осмотрел столик, открыл дверцу, подергал ящик — тщетно, не выдвигается.

— Немного мыла — и откроется как миленький, — посоветовал толстяк.

— Тридцать, — сказал Давид.

— Тридцать пять.

Давид задумался.

— Но тогда вы отвезете меня до дома.

— Далеко?

— Рядом, за углом.

Так Давид Керн приобрел ночной столик, который круто изменил его жизнь.

3

Мари Бергер ужинала с Ларсом в «Звездолете» — в знак примирения, как он выразился.

Её примирение вообще-то без надобности, она с Ларсом нессорилась. Он — попросту нечаянное недоразумение. Но поскольку вид у него был ужасно несчастный, а на дворе стоял декабрь и предрождественская суета и на нее тоже наводила порой тоску, она согласилась с ним пожинать.

И совершила ошибку. День свидания преподнес ей сюрприз: весеннее небо и ветерок, дышащий югом. Погода, совершенно неподходящая для встречи с отставленным ухажером, который еще не знает, что ему дали отставку.

Она бы с удовольствием отказалась от встречи, но не сумела с ним связаться: он отключил мобильник. В мудром предвидении, как подумалось ей.

«Звездолет» — слишком большой, слишком шумный и слишком дорогой дизайнерский ресторан, не во вкусе Мари. Скорее во вкусе Ларса, который изучал экономику и, рассчитывая сделать большую карьеру, жил несколько не по средствам.

Когда Мари пришла — минута в минуту, потому что не хотела опозданием изначально да-

вать ему в руки козырь, — Ларс уже сидел за столиком в гуще здешнего столпотворения. Он вскочил и замахал руками, как терпящий бедствие пловец. Она направилась к нему, стараясь игнорировать посетителей, которые, не отвлекаясь от разговоров, искоса мерили ее взглядом.

Ларс встретил ее стоя и предложил свое место:

— Отсюда тебе всех будет видно.

— Публика меня не интересует, — ответила она. И только когда уселись спиной к залу, сообразила, что Ларс воспринял ее замечание не как критику ресторана, а как комплимент себе. Он занял место напротив и подпер руками подбородок, с улыбкой глядя ей в глаза.

— Я совсем не то имела в виду, Ларс.

— Не то?

Если бы он не считал себя таким неотразимым, она бы наверняка выразилась помягче. Но теперь сказала:

— Я не имела в виду, что мне интереснее смотреть на тебя.

Вообще-то надо было сию же минуту встать и уйти. Однако Ларс смотрел так испуганно, что она легонько улыбнулась и тем чуточку смягчила резкость своих слов. Он тоже улыбнулся, с облегчением, подозвал официанта и заказал два бокала шампанского.